

Черныш Юлия Анатольевна

О ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРЫ СОЛИДАРНОСТИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье рассматриваются практики социальной солидарности в современной России, обусловленные существованием ее различных смысловых аспектов. Даются характеристики социального поведения с точки зрения социального соучастия, выделяются условия, способствующие росту солидарности. Определяется уровень социальной солидарности в российском обществе, делается вывод, что солидарное взаимодействие доминирует на микросоциальном уровне.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2015/6/40.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2015. № 6 (96). С. 154-156. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2015/6/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

УДК 316.4.06

Социологические науки

В статье рассматриваются практики социальной солидарности в современной России, обусловленные существованием ее различных смысловых аспектов. Даются характеристики социального поведения с точки зрения социального соучастия, выделяются условия, способствующие росту солидарности. Определяется уровень социальной солидарности в российском обществе, делается вывод, что солидарное взаимодействие доминирует на микросоциальном уровне.

Ключевые слова и фразы: социальная солидарность; социальное действие; социальные подсистемы; уровень доверия; социальное соучастие; трансляция идей солидарности.

Черныш Юлия Анатольевна, к. соц. н.

Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики

ulia177@yandex.ru

О ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРЫ СОЛИДАРНОСТИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ[©]

Тема социальной солидарности, взятая в рамках исследований современного российского общества, не перестает быть актуальной. Социально-экономические, социокультурные и политические условия заставляют обращаться к этому вопросу, прежде всего, в практической его плоскости. При изучении данного явления с самого начала становится понятно, что социальная солидарность относится к числу тех многогранных представлений, которые имеют множество дефиниций. В работе А. Гофмана [1] проводится детальный анализ различных аспектов, которые описывают понятие «солидарность». В частности, данный термин используется для характеристики объективной функциональной взаимозависимости и единства интересов индивидов и социальных общностей, их групповой идентичности, субъективной взаимной симпатии, сопереживания, консенсуса социальных акторов, общности их взглядов, приверженности одним и тем же нормам и ценностям. Кроме того, под солидарностью может пониматься альтруистическая помощь или взаимопомощь социальных субъектов, а также совместная деятельность для достижения определенной цели. Нельзя не обратить внимание и на то, что иногда термин «солидарность» используется как синоним социальной интеграции.

В целом можно сказать, что, оперируя термином «социальная солидарность», обычно очерчивают критерии, позволяющие судить о том, насколько сплочена та или иная группа, а также насколько интегрировано общество в целом. Говоря о социальной солидарности, каждый автор подразумевает довольно сложную систему социальных отношений, присутствующих в социуме на разных уровнях и имеющих функциональную специфику. С другой стороны, довольно сложно указать однозначные индикаторы, измерив которые, можно было бы с уверенностью констатировать уровень социальной солидарности. В рамках нашего анализа мы будем понимать под солидарностью общность социального поведения индивидов, обусловленную единством их ценностных установок.

Если рассматривать общество как целостную систему, то каждая из его подсистем образуется той или иной совокупностью однородных действий и взаимодействий автономных субъектов. Иными словами, анализ тех или иных подсистем социальной жизни предполагает выявление и изучение определенных типов автономного действия и конвенционального взаимодействия. Они различаются между собой по смысловому содержанию, направленности и характеру ведущей ориентации. Иными словами, общество как социальная система распадается на множество взаимосвязанных и разнородных социальных действий.

Согласно теории М. Вебера [2, с. 107], социальное действие определяется как целью и мотивами акторов, так и заложенными в нем смыслами, или ценностными ориентациями. Следовательно, конвенциональный характер отдельных действий определяется не только совместностью бытия субъектов, но и всеобщими интересами, а следовательно, стремлением к сотрудничеству. Поэтому можно считать, что подсистемы современной социальной жизни образуют комплексы однородных социальных действий.

Какие же из подсистем общественной жизни можно с этой точки зрения охарактеризовать как солидарные? На протяжении всего постсоветского периода российское общество постулируется как достаточно сильно разобщенное. В 1990-е годы это было связано, прежде всего, с распадом единой системы ценностей, существовавших в советский период, а также с резкой поляризацией населения по материально-имущественному признаку. При этом в результате автономизации и обособления частных структур в экономической сфере усилилась диспропорция в развитии различных социальных субъектов. Часть из них получила более широкие возможности для улучшения своего материального благосостояния и самореализации, а в ситуации, когда уровень развития субъекта не зависит напрямую от его вклада в общественное целое, нарушается закон динамического равновесия субъектов. Частная собственность (частные материальные интересы), являющаяся одним из факторов личностной автономии, также не может служить гарантией гражданской солидарности. Поэтому для социально-экономической сферы характерна проблема дефицита макрогрупповой интеграции.

Другая сфера общественной жизни, где многими исследователями отмечается низкий уровень солидарности, это социально-трудовые отношения. Основным фактором, влияющим на это, можно считать изменения в характере трудоустройства работников, в частности, введение гибких рабочих графиков и режима неполной занятости, препятствующих формированию стабильных трудовых коллективов с устойчивой системой интересов. Нельзя не отметить и индивидуализацию труда, обусловленную ростом числа фрилансеров. Это ведет к персонификации трудовых отношений, «ослабляет рабочую солидарность, делая затруднительным коллективную защиту трудовых прав» [5, с. 22].

Если рассматривать социальную солидарность как установку сознания, в результате которой возникает социальная целостность, то для оценки ее уровня нужно обратиться к анализу ценностных ориентаций российского населения. Социологические исследования показывают, что в России очень высок уровень социального недоверия. Согласно опросу [7], проведенному в августе 2012 г., 82% россиян считают, что в отношениях с людьми следует быть осторожными, и лишь 16% опрошенных им доверяют. Даже если речь идет о социальном окружении конкретного индивида, то и ему доверяет чуть больше половины респондентов – 55%, а 41% считает, что следует быть осторожными. Если сравнить эти результаты с данными, полученными в 2006 году [6, с. 24], то нельзя не заметить, что при сохранении тех же показателей в отношении доверия к окружающим (15,2%), почти на четверть (с 56,4% до 82%) выросло число тех, кто им не доверяет (данная тенденция ждет своего объяснения).

Если понимать под доверием отсутствие негативных установок и ожиданий в отношении каких-либо субъектов социального взаимодействия, то следует признать маловероятной тенденцию к росту уровня солидарности. Социальная раздробленность и массовое недоверие становятся серьезной преградой на пути процессов перехода к состоянию структурного единства.

Социальную солидарность можно рассматривать и как процесс групповой динамики, характеризующийся появлением сообществ, «участники которых осознают собственную субъектность, имеют общие интересы и способны предпринять организованные коллективные действия для их реализации, принимают на себя ответственность за группу или более широкое сообщество и делегируют каждому своему члену долю ответственности за общее дело» [4, с. 32]. В уже упоминавшемся исследовании [7] поднимался вопрос о том, готовы ли люди объединяться для совместных действий, если их интересы и идеи совпадают. 54% респондентов отнесли себя к тем, кто готов к объединению, 33% оказались к этому не готовы. Из предложенного списка действий респондентам предлагалось выбрать те виды социальной активности, в которых они лично и безвозмездно принимали участие за последний год. Большая часть (56%) не участвовала ни в одной из предложенных форм солидарного взаимодействия. Из тех же, кто отметил хотя бы один вариант, 33% участвовали в субботниках и мероприятиях по благоустройству дома и территории, 13% – в ремонте или уборке подъезда силами жильцов, 7% принимали участие в организации или проведении каких-либо акций и мероприятий (досуговых, культурных, благотворительных, оздоровительных и др.), 4% собирали пожертвования и иные денежные средства.

Нельзя не заметить, что наибольшее количество голосов набрали те виды соучастия, которые проявляются на уровне социально-бытовых контактов. Иными словами, в основном социальная солидарность разворачивается на уровне будничных действий и связана с организацией повседневности, а не относится к общей реакции на различного рода макросоциальные вызовы, которые по времени носят дискретный характер и проявляются не так часто. Остальные предложенные виды социального участия, например, работа в группе по поиску пропавших людей или помощь сотрудникам некоммерческих организаций, набрали по 1-2 и менее процентов.

Таким образом, по мере сужения социального пространства и локализации частных интересов наблюдается тенденция к росту солидарности. И, напротив, при переходе от внутрigrуппового функционирования к более высокому уровню межгруппового взаимодействия возникают сложности, препятствующие формированию чувства солидарности. Например, в статье С. Климовой [4] как препятствие для сотрудничества в добровольческом движении отмечается корысть потенциальных партнеров.

Можно предположить, что установки солидарности на макроуровне, как правило, носят ситуативный характер и выступают на первый план в двух случаях. Во-первых, когда возникает внешняя опасность, угрожающая всему социуму, как макросоциальная проблема, волнующая абсолютное большинство. В такой ситуации люди объединяются против общего врага, в случае победы над которым в сознании общества откладывается память о победе, и эта память на определенное время становится его консолидирующим фактором. Во-вторых, когда происходит некое резонансное событие, чрезвычайная ситуация социального характера, в силу морально-нравственных причин оцениваемая однозначно самыми разными социальными группами, и, в первую очередь, СМИ. В иной ситуации доминируют частные, а не общие интересы.

Поэтому можно сделать вывод, что в современном российском обществе солидаризационные процессы идут в контексте неформального социального взаимодействия, иными словами, вне институциональных рамок. В таких условиях первичным способом трансляции и сохранения солидаристских установок становятся внеинституциональные факторы и, прежде всего, групповой опыт социализации личности. Поскольку новые ценности интегрируются в общество лишь в том случае, если они существуют не только в декларируемой, но и в поведенческой форме, то микросоциальные практики индивидов выходят на первый план. Они же являются показателем того, будет ли возможным и успешным диалог между носителями различных ценностных установок. Такими практиками, помимо упомянутых социально-бытовых взаимодействий, в России становятся различные волонтерские движения, функционированию которых, в том числе в рамках аспектов социальной солидарности, посвящен целый ряд статей последних лет [3; 4].

Список литературы

1. Гофман А. Б. Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции // Социальная солидарность и альтруизм: социологическая традиция и современные междисциплинарные исследования: сб. науч. тр. / отв. ред. Д. В. Ефременко. М.: РАН (ИНИОН), 2014. С. 16-100.
2. Громов И. А., Мацкевич А. Ю., Семенов В. А. Западная социология. СПб., 1997.
3. Дондокова Б. Б. Неформальная взаимопомощь как фактор социальной солидарности в современном российском обществе [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 2. URL: www.science-education.ru/108-9116 (дата обращения: 09.04.2015).
4. Климова С. Г. Идеи и практики солидарности в добровольческом движении // Социс. 2013. № 6.
5. Козина И. М. Забастовки в современной России // Социс. 2009. № 9.
6. Козырева И. П. К вопросу о доверии в трудовых коллективах // Социс. 2008. № 11.
7. <http://fom.ru/interaktiv/10605> (дата обращения: 22.04.2015).

ON FORMATION OF CULTURE OF SOLIDARITY IN THE RUSSIAN SOCIETY

Chernysh Yuliya Anatol'evna, Ph. D. in Sociology
 Povolzhskiy State University of Telecommunications and Informatics
 ulia177@yandex.ru

The article considers the practice of social solidarity in modern Russia conditioned by the existence of its various semantic aspects. The characteristics of social behaviour from the point of view of social participation are given, and conditions that contribute to the growth of solidarity are revealed. The level of social solidarity in the Russian society is determined, it is concluded that solidary interaction dominates at micro-social level.

Key words and phrases: social solidarity; social action; social subsystems; level of confidence; social participation; translation of solidarity ideas.

УДК 811.512.153

Филологические науки

В статье рассмотрены структура и семантика пространственных моделей простых предложений современного хакасского языка, а именно моделей локализуемого движения, ориентированного относительно статического пространственного объекта. Изучаемые модели предложений, как и большинство других пространственных моделей, классифицируются с опорой на семантику локализатора. В этой связи выделяются дейктическая, суперэссивная, апудэссивная, интерэссивная, постэссивная типы моделей.

Ключевые слова и фразы: хакасский язык; пространственные модели простых предложений; модели локализуемого движения; глаголы движения; семантика локализатора.

Чугунекова Алена Николаевна, к. филол. н., доцент
 Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова, г. Абакан
 Chugunekowa@yandex.ru

**МОДЕЛИ ЛОКАЛИЗУЕМОГО ДВИЖЕНИЯ, ОРИЕНТИРОВАННОГО ОТНОСИТЕЛЬНО
 СТАТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВЕННОГО ОБЪЕКТА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОСТЫХ
 ПРЕДЛОЖЕНИЙ ХАКАССКОГО ЯЗЫКА) ©**

Целью данной статьи является структурно-семантическое описание моделей локализуемого движения, ориентированного относительно статического пространственного объекта, на материале простых предложений хакасского языка.

Модели локализуемого движения занимают промежуточную позицию между статическими и динамическими моделями. Особенностью моделей этой группы является то, что их семантику формируют два противоположных по пространственной семантике компонента: статический локализатор – локатив – и динамический глагол – глагол движения [11, с. 74].

При описании моделей локализуемого движения мы используем систему обозначений локализаций и ориентаций, представленную ниже.

Основные типы пространственных отношений, например, движения и местонахождения, детализируются относительно системы пространственных координат. Принято выделять 10 локализаций: 1) 'внутри' – ин-, 2) 'на' – супер-, 3) 'под' – суб-, 4) 'сбоку' – ад-, 5) 'сзади' – пост-, 6) 'перед' – анте-, 7) 'около' – апуд-, 8) 'между/среди' – интер-, 9) 'на середине' – медиа-, 10) 'снаружи' – аут- и 5 типов ориентаций: 1) 'находясь в' – эссив, 2) 'перемещающаяся в' – латив, 3) 'перемещающаяся из' – элатив, 4) 'перемещающаяся через' – пролатив,